

ЛИТЕРАТУРА

1. Исламова, А.К. Роман А. Мердок «Зеленый рыцарь»: субъектные планы повествования в системе жанровой организации текста как художественного целого / А.К. Исламова // Художественный текст как целостная система: Межвузовский сборник; под ред. проф. Л.В. Сидорченко. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. – С. 103–112.
2. Толкачев, С.П. Художественный мир Айрис Мердок: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.01.05 / С.П. Толкачев. – М., 1999. – 21 с.
3. Толкин, Дж.Р.Р. Чудовища и критики / Дж.Р.Р. Толкин. – М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 415 с.
4. Byatt, A.S. Degrees of freedom: The early novels of Iris Murdoch / A.S. Byatt. – London: Vintage, 1994. – 358 p.
5. Fiander, L.M. Fairy tales and the fiction of Iris Murdoch, Margaret Drabble, and A.S. Byatt / L.M. Fiander. – New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2004. – 192 p.
6. Murdoch, I. The Green Knight / I. Murdoch. – England: Penguin Books, 1994. – 472 p.
7. Opie, I. & P. The classic fairy tales / I. & P. Opie. – London: Oxford University Press, 1974. – 256 p.

ОБРАЗ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ ДЖ. БАРНСА «МЕТРОЛЕНД» И «ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА» YOUNG MAN'S IMAGE IN "METROLAND" AND "THE SENSE OF AN ENDING" BY J. BARNES

В. Г. Минина

V. G. Minina

Минский государственный лингвистический университет

Минск, Беларусь

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

e-mail: victoriaminina@mail.ru

В статье проанализированы образы молодых людей в романах Дж. Барнса «Метроленд» и «Предчувствие конца», в которых прослеживаются текстовые и тематические переклички. Автор указывает, что Дж. Барнс пишет о взрослении, мечтах, поисках себя, противостоянии индивида и общества, выборе и ответственности за него. Герои Дж. Барнса образованны, интеллектуальны, ранимы и полны надежд.

Ключевые слова: образ, подросток, ценности, индивидуальность, истеблишмент, искусство, интеллектуал.

The article analyzes the images of young people in the novels *Metroland* and *The Sense of an Ending* by J. Barnes, in which textual and thematic similarities might be traced. The author points out that J. Barnes writes about growing up, dreams, searching for oneself, confrontation among the individual and society,

choice and responsibility. J. Barnes' characters are educated, intellectual, vulnerable and full of hope.

Key words: image; teenager, values, individuality, establishment, art, intellectual.

В одном интервью известный британский мастер слова Дж. Барнс (р. 1946) на вопрос: «Каков портрет современного британца?» ответил: «Я все еще над ним работаю. Но он чрезвычайно изменился за время моей жизни. Он стал гораздо менее почтительным, более общительным и мультикультурным. Но в некоторых аспектах все еще очень консервативен» [4]. В шестидесятые годы прошлого столетия, о которых повествует Дж. Барнс, как раз наоборот, британец весьма почителен, обходителен, учтив, воспитан и хорошо образован.

Время действия дебютного романа Дж. Барнса «Метроленд» (Metroland, 1980) 1963 год. Читатель знакомится с героями романа, Кристофером и Тони, в Национальной галерее, где они с биноклем изучают воздействие искусства на обывателей, неизменно записывая свои впечатления в блокнот: «мы с Тони просто стояли с двух сторон и подмечали детали: слегка приоткрытые губы и легкое натяжение кожи на скулах («Заметил что-нибудь на виске со своей стороны? – «Ничего» – так что Тони записал в блокноте: «Дергается висок; только слева»)» [1, с. 3].

Кристофер и Тони – друзья; «он был моим лучшим другом, – говорит Кристофер, – которому я доверял все секреты, обиды и почти все увлечения» [1, с. 3]. Это ребята с утонченной духовной организацией, глубоко и остро воспринимающие действительность. Не зря в эпиграф к первой части романа вынесены слова Артюра Рембо: «A noir, E blanc, I rouge, U vert, O bleu» (А – черная, Е – белая, И – красная, У – зеленая, О – синяя (фр.)) [1, с. 3]. Для героев романа, как и для проклятых поэтов XIX столетия, особое значение имеет чувственная, импрессионистская сторона жизни, отраженная в цвете. То-то негодует Кристофер, когда роскошный ярко-красный цвет пальто его матери уличные фонари превращают в вульгарный коричневый: «Однажды вечером, когда мы с мамой возвращались домой, я посмотрел на ее пальто, вывернутое в тот день на красную сторону, и увидел, что оно стало коричневым. Я взглянул на маушкины губы, и они тоже были коричневыми. И легко было догадаться, что, если она сейчас снимет перчатки (тогда еще белые, а теперь просто застиранные), ее красные ногти тоже будут коричневыми» [1, с. 5]. Его реакцией на это становится критика истеблишмента, против которого ополчаются полные максимализма подростки: «Они даже спектр испоганили <...> Цвета. Уличные фонари. Когда темно, они искажают

цвета. Все становится коричневым или оранжевым. Такое впечатление, что ты на Луне» [1, с. 5]. Подростки чувствовали себя обворованными истблшментом, который, как им это виделось, покусился даже цветное многообразие окружающего мира – то, что существует вне какой бы то ни было системы.

Далее Кристофер продолжает изливать свой гнев, поясняя, почему для них с Тони так важны цвета: «В то время мы очень трепетно относились к цветам. Все началось во время летних каникул, когда я ходил гулять в парк и таскал с собой томик Бодлера. У него я прочел, что если посмотреть на небо сквозь соломинку, его цвет будет более насыщенным и густым, чем если смотреть просто так. Я сразу послал Тони письмо и поделился открытием. После этого мы и обеспокоились за цвета. Цвета – и с этим никто не поспорит – представляют собой предельное, чистейшее выражение безбожия. И нам не хотелось, чтобы какие-то обыватели-бюрократы прибрали их к рукам. Они уже заполучили себе: – ...язык... – ...мораль... – ...приоритеты в системе ценностей... но этому в принципе можно не придавать значения. Каждый волен выбрать свой путь и идти по нему с важным видом, наплевав на мнение окружающих. Но если они заграбастают и цвета?! Это будет уже катастрофа. Даже остаться самим собой станет проблематично. Смуглый Тони с его полными губами и ярко выраженными восточноевропейскими чертами в размытом оранжевом свете станет похожим на негра. Сам я – курносый, с сомнительно чистопородным английским лицом (совсем еще детским) – был в этом смысле в относительной безопасности. Но я нисколько не сомневался, что «они» обязательно что-то такое придумают, чтобы добраться и до меня» [1, с. 5–6]. Юношеская тонкая и ранимая душа не приемлет установленного порядка, навязанных ценностей, общепринятого мировоззрения. Кристофер и Тони боятся утратить свою индивидуальность, слиться с толпой, превратиться в никчемных обывателей; боятся проиграть в неравной битве с истблшментом. Именно поэтому они так упрямо и по-юношески наивно отстаивают свое право на собственное мироощущение – пусть даже через чистое, ничем не искаженное восприятие цвета.

Взрослому читателю кажутся наивными умозаключения и «горести» двух подростков, как то «как видите, в те дни у нас было немало поводов для беспокойства. А почему нет? Когда же еще беспокоиться о действительно важных вещах, как не в ранней юности?! Мы с Тони вовсе не волновались за нашу будущую карьеру, поскольку знали, что к тому времени, когда мы вырастем, государство будет платить таким людям, как мы, только за то, что они существуют –

просто расхаживают по улицам, как эти люди-бутерброды с объявлениями и плакатами, и рекламируют хорошую жизнь. Нет... нас волновало совсем другое: чистота языка, самосовершенствование, предназначение искусства и плюс к тому некоторые абстракции, неосязаемые субстанции с большой буквы, как то: Любовь, Истина, Подлинность...» [1, с. 7]. Именно в подобных размышлениях и скрыты юношеский максимализм и гордыня. Автор показывает, что именно в юности человек смотрит на жизнь более глобально, размышляет над философскими вопросами – пусть даже это происходит идеалистично иногда поверхностно; человека взрослого больше беспокоят материальные, более осязаемые, вещи.

Герои романа начитанны и образованны: они свободно владеют французским языком, щеголяют в разговоре французскими словечками, эпатируют преподавателей французскими стихами собственного сочинения. «Как вы уже наверняка догадались, мы с Тони так изощрились в основном на французском. Нам нравилось, как он звучит: взрывные согласные и четкие, ясные гласные. И нам очень нравилась французская литература – из-за ее агрессивной воинственности. Французские авторы постоянно сражались друг с другом – защищали и очищали язык, устранили сленговые словечки, составляли словари правильной речи, их сажали под арест, преследовали в судебном порядке за непристойное и непотребное поведение и высылали из страны, они настойчиво декларировали принципы Парнаса, отчаянно подсиживали друг друга за места в Академии искусств и плели интриги за литературные премии. Нас привлекала сама идея такого изощренного и бескомпромиссного буйства» [1, с. 10].

Для Кристофера и Тони Франция, как верно указывает Д. Бондарчук, «лицетворяет собой свободу, искусство, любовь – все то, что, как им кажется, ожидает их в будущей, взрослой, настоящей жизни» [3]. Они боготворят французскую литературу – зачитываются Бодлером и Рембо; видят себя гуляющими по Парижу «по мокрой бульварной мостовой в свете газовых фонарей, и чтобы где-то вдали звучала шарманка» [1, с. 31]. В их сознании, продолжает Д. Бондарчук, «Лондон и Париж четко противопоставлены друг другу: здесь – неизменная станция “Тоттнем-Корт-роуд” и неизбежная предсказуемость маршрута – “в сторону Бонд-стрит”, там – бесцельная праздность *flanerie*, измятая постель “в какой-нибудь *chambre particuliere*”, бесконечное разнообразие возможностей» [3].

У самого Дж. Барнса особые отношения с французской культурой – он всем известный франкофон. На вопрос: «За что Вы любите французскую культуру?» писатель ответил: «За интеллект,

изобретательность, великодушие, любовь к удовольствию, чутье, стиль, остроумие» [4]. «Франция – моя вторая родина», – сказал он корреспонденту американского журнала «Нью-Йорк обсервер» Карлу Свэнсэну. По признанию писателя, в истории, в самом ландшафте страны, лежащей по другую сторону Ла-Манша, есть что-то глубоко созвучное его душе, волнующее воображение [5]. Дж. Барнс, чьи родители французы, свободно владеет французским и отлично знает французскую культуру. Как отмечает М. Табак, особенность Барнса в том, что он, будучи английским писателем, остро ощущает свою принадлежность к французской культуре. Английская критика не раз упрекала его во франкофильстве, хотя французы видят в нем типичного англичанина с типично английским чувством юмора. Творчество Дж. Барнса, указывает М. Табак, – результат соединения двух культур: английской и французской [5]. Отсюда и многие художественные особенности его книг, а также такая любовь ко всему французскому со стороны его героев. Дж. Барнс часто помещает своих героев на французскую территорию либо обращается к темам из истории французской литературы.

Несмотря на то, что датой выхода в свет романы «Метроленд» и «Предчувствие конца» (*The Sense of an Ending*, 2011) разделены более чем тридцатью годами, в них слышатся текстовые и тематические переключки: и там, и там писатель обращается к шестидесятым годам двадцатого столетия, его главными героями становятся молодые люди, автор описывает период взросления молодого человека. Писатель воссоздает нравы и обычаи, присущие молодому поколению того времени, рисует портрет молодого британца того времени. В романе «Предчувствие конца», который был удостоен Букеровской премии, Дж. Барнс вновь описывает школьные годы своих персонажей. Один из героев в частности говорит: «В ту пору жилось проще: ни тебе больших денег, ни электронных гаджетов, ни тирании моды, ни девочек. Ничто не отвлекло нас от человеческого и сыновнего долга: учиться, сдавать экзамены, чтобы потом на основании полученных знаний найти работу и в конце концов обеспечить себе более полнокровную и благополучную жизнь, чем у наших родителей, которые будут нами гордиться, но втайне припоминать собственную молодость, когда жизнь была проще, а потому несравненно лучше. Эти соображения, конечно, вслух не высказывались: над нами всегда довлел умеренный социальный дарвинизм английского среднего класса» [2, с. 7]. В этих словах ощущается едва уловимая ностальгия самого автора – по молодым годам, по грезам и мечтам, которые казались осуществимыми, по временам, когда все было понятнее и проще. Вслед

за Дж. Барнсом эти слова может произнести любой человек, чья молодость давно осталась позади. Эти два романа также можно сравнить с диалогом автора с самим собой: молодого и зрелого.

В произведении «Предчувствие конца» перед читателем вновь предстают интеллектуальные, образованные молодые люди, начитанные, о чем можно судить по тому как они с легкостью ссылаются на имена известных авторов («Если Алекс читал Рассела и Витгенштейна, то Адриан – Камю и Ницше. Я читал Джорджа Оруэлла и Олдоса Хаксли, Колин – Бодлера и Достоевского» [2, с. 10]). Они стремятся к осознанию сути вещей, то и дело перемежают свою речь цитатами из трактатов философов и мыслителей древности, пытаются разобраться и в предпосылках и следствиях исторических событий. Герои спорят о литературе, философии и истории, делают собственные выводы, претендующие на универсальные максимы («История – это ложь победителей» [2, с. 20]). После окончания школы они с легкостью поступают в престижные университеты. Можно сказать, что создавая образы именно таких молодых людей, Дж. Барнс ностальгирует не только по временам своей юности, но и по тому, каким было подрастающее поколение.

Подводя итог, необходимо отметить, что молодые люди обоих романов одержимы жадной путешествий, познания другой жизни и себя через нее; они стремятся обрести себя. Помимо этого они обеспокоены судьбой своей страны, хотят принести ей пользу, сделать нечто значимое, судьбоносное. Дж. Барнс пишет о взрослении, о мечтах, о борьбе между ценностями традиционными и альтернативными, о выборе и ответственности за него.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барнс, Дж. Метроленд / Дж. Барнс. – М.: АСТ : Ермак, 2003. – 301 с.
2. Барнс, Дж. Предчувствие конца / Дж. Барнс. – М.: Эксмо, 2012. – 219 с.
3. Бондарчук, Д. Через Ла-Манш и обратно / Д. Бондарчук // Иностранная литература. – 2002. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/7/fenom.html>. – Дата доступа: 13.10.2014.
4. Кочеткова, Н. Писатель Джулиан Барнс: «Я не драматург, не денди и не гомосексуалист» / Н. Кочеткова // Известия. – 2007. – 4 июля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/326279>. – Дата доступа: 13.10.2014.
5. Табак, М. «Франция – моя вторая родина» / М. Табак // Иностранная литература. – 2002. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/7/fenom.html>. – Дата доступа: 13.10.2014.